

тается глаголами восприятия в большой степени за счет директивных предлогов и наречий.

По распределению в тексте для обозначений зрительного восприятия, которые составили большинство в обследованных текстах среди ЛТГ восприятия, характерно наличие сгущений большинства элементов, образующих подгруппу, в одном — двух абзацах текста, т. е. их местная локализация, отсутствие в ряде абзацев и, как правило, полная вариативность в пределах одного абзаца.

Наиболее частотными элементами в ЛТГ восприятия являются глаголы с наиболее общим значением того или иного вида восприятия: see (6), look (3) — VIII; feel (4), see (5), look (2), hear (2) — III; see (3), look (2) — V; see (10), feel (7) — VI; see (3), look (2) — I. За счет такого рода обозначений и снижается общий коэффициент вариативности в ЛТГ восприятия, например, с ЛТГ обозначений действий. Единичные употребления элементов данной ЛТГ содержат в своей семантике дополнительные характеристики способа протекания действия или обнаруживают взаимодействие с другими семантическими группами, например, come (о звуке) обозначает также движение и приобретение признака, potise — связь с обозначениями мыслительной деятельности.

Смыслообразование среди элементов данного блока ЛТГ происходит по принципу уточнения сигнификации интродуктивных наименований действия, движения, восприятия путем использования градации синонимов и антонимов, характеристики субъекта или способа протекания действия узкосемантическими глаголами конкретной референции.

Главная текстообразующая функция акциональных ЛТГ состоит в сюжетообразовании, а также в «цементировании» текстовой связности.

¹ См.: Martinet A. A functional view of language. — Oxford, 1962. — P. 49.

² Под «насыщенностью» понимается отношение количества употреблений слов группы к количеству употреблений слов текста (единиц анализа) в процентах. Под «вариативностью» — отношение количества употреблений разных слов одной группы к общему количеству употреблений слов этой группы в тексте, т. е. с учетом идентичных обозначений.

³ См.: Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. — М., 1979. — С. 123.

М. А. ЧЕРКАС

ПРАГМАКОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ ИМЕН ДЕЯТЕЛЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Конкретно разворачиваемая в тексте коммуникация обязательно имеет определенную прагматическую установку, которая обуславливает использование средств языка, ведущее к «достижению оптимального эффекта восприятия соответствующего текста читателем»¹.

Имена деятеля немецкого языка, производные модели «основа глагола + суффикс -er», легко «заряжаются» в контекстах употребления коннотативными созначениями, оценочностью, образностью, особенно за счет словосложения, в русле которого они становятся яркими выразителями авторской интенции относительно воздействия на адресата. Например: ...jetzt nimmt sie (die Schwedin) den Besen, ...treibt ihm den Teufel aus, und das hat' der auch nötig, der Hitschen-Kaiser, der Leutetriezer, der Ausputzer, der Pfennigfuchser... (J. Schulz). В данном контексте его общая сниженно-стилистическая тональность, грубоватый местоименный дейксис (das hat der auch nötig) как бы подготавливают появление экспрессивно «заряженных» композитов той же стилистической окраски — Leutetriezer (живодер), Pfennigfuchser (крохобор) и имени деятеля Ausputzer (обирала). Все они снабжены негативно-оценочным

оттенком (как их производящие глаголы *triezen, fuchsen, ausputzen*) и призваны донести именно это созначение до адресата, т. е. целенаправленно повлиять на его восприятие текста.

Словообразовательная модель «основа глагола + суффикс -er» широко используется для образования имен деятеля непосредственно в контекстах, чем достигается «живая», часто неожиданная экспрессивно-оценочная характеристика лица. Der erste Band der Reisebilder war ein großer Erfolg. Am Erfolg des zweiten Bandes soll Immermann teilhaben. Er (Heine) bittet ihn um Beiträge, und Immermann schickt spitze Xenien, Pfeile gegen die dünnstreisten Nachahmer, die Poetlein ohne Kraft, **die Magermilch-Dichter** (W. Steinberg). Окаzionale слово Magermilch-Dichter, вызванное к жизни контекстом, выступает в качестве суммарно-образного обозначения бездарных сочинителей стихов, подчеркивая наиболее существенную их черту — «обезжиренность», «худосочность» творческой потенции (неожиданный образ — Magermilch). Описание строится к тому же по принципу градации: экспрессивно-ироническая тональность нарастает в направлении к концовке микротекста. Имя деятеля Magermilch-Dichter несет поэтому подытоживающий смысл, вбирая в себя фактически все, что сказано до него (die dünnstreisten Nachahmer, die Poetlein ohne Kraft), благодаря чему оно воплощает вершинную точку оценочной характеристики. Ему и предписывается авторской интенцией наибольшая доля участия в «оказании воздействия на чувства читателя и возбуждение реакции эстетического порядка»².

Экспрессивно-стилистическая окраска связана по своей природе с «двумя моментами: отношением к литературной норме и эмоциональным содержанием»³. Имена деятеля узуального характера представляют норму, тогда как оккационализмы несут на себе печать новизны и необычности, имеют одноразовую стилистическую маркированность. В этом ключе воспринимается и результат так называемого переименования, когда имя деятеля выступает в совершенно не присущем ему значении. Такое имя, будучи в лексиконе языка узуальным словом, лишь «на время» идентифицируется как оккационализм. Например: Und es begann der Einmarsch der Geprellten, **der Schieflieger**, der Enteigneten, der sich betrogen Fühlenden; es kamen die alten Leute, die mit den mühsam erworbenen Papieren ihren Lebensabend hatten sichern wollen, es kamen die Rentiers, die kleinen Sparer, mittlere und hohe Beamte (H. Fallada). Имя Schieflieger не зафиксировано в словарях, но его производящая база — глагол *schiefliegen* является узуальной единицей словаря и имеет значение «eine falsche, (bei den Vorgesetzten) nicht angenehme Meinung vertreten, abwegige Gedanken äußern»⁴, т. е. «высказывать нечто нелицеприятное», «навлекать на себя недовольство вышестоящих». В тексте же производным от глагола именем обозначается понятие «разоренный», для которого существует свое (узуальное) наименование в немецком языке. Здесь, следовательно, представлено переименование, происходящее за счет мобилизации ресурсов самой лексической системы на создание оккациональных номинантов. И этот, и предыдущий факты указывают на то, что в процессе коммуникации «осуществляется принцип наиболее рационального и экономного отбора... необходимых для целей общения языковых средств»⁵.

Главной чертой художественных текстов признается образность, складывающаяся в первую очередь на основе метафоризации в широком смысле. Многие имена деятеля также возникают в результате метафоризации, приобретая ярко образные значения. Очень четко это проявляется в тех случаях, когда перенос опирается на значения слов, принадлежащих к разряду конкретно-предметной лексики, т. е. когда ему сопутствует особый эффект предметной «осязаемости» метафоры. Например: In Wahrheit suchten beide nach **dem Blitzableiter**, der die schmerzhaften Entladungen ihrer Gewissen in ein Erbarmen lenken könnte, das zu nichts verpflichtete als zu nicht verpflichtender Reue (M. W. Schulz).

Er (Stanislaus) stand im ersten Lehrjahr und war gewissermaßen **der**

Fußabtreter für Meister und Meisterin, für Fritz Latte, und wenn er sich nicht wehrte, sogar für Sophie, das Hausmädchen (E. Strittmatter).

Приведенные микротексты содержат метафорические номинации как перенос конкретно-предметных значений слов **Blitzableiter** (громоотвод), **Fußabtreter** (коврик для ног), наглядно доносящие до адресата черты натуры обоих характеризуемых лиц — покорность, безволие, фактически смыслы «человек-тряпка», «человек — козел отпущения». В обоих результатах переноса ощущается вещная база метафоризации.

Стилистическая роль метафоры заключается еще и в том, что она передает мысль конденсированно и экономно, в частности, за счет вкладки в старую лексему нового содержания, как например: «Es kann nicht alles umsonst gewesen sein. Leben wollen wir, leben. Verstehst du? Wie einstmal die Könige. Satt werden jeden Tag. Sie, die **Blutsauger**, sollen geköpft werden, aber das französische Volk — es soll leben (E. Neutsch). Существительное **Blutsauger** исходно является обозначением разновидности панцирных, точнее ящериц (der Gattung Colotes zugehörige Echse Südasiens), в народных верованиях — **Vampir** (вампир). Но метафоризация внесла в лексему конденсированное содержание, закрепив в ярком образе ряд существенных черт человека. Эта метафора узуально хотя и установилась в языке, однако не потеряла из-за частого употребления своей стилистической силы, что позволяет использовать имя деятеля как оценку лица при необходимости подчеркнуть эмоционально окрашенное резко негативное отношение к нему.

В именах деятеля метафора сочетается со сравнением с целью достижения большей наглядности, что подтверждает следующий пример: **Großvater krächzt durch das Haus: Er schleicht wie ein Bullenbeißer um Großmutter's Bett** (E. Strittmatter). В приведенном контексте характеризуется момент поведения лица в конкретной обстановке. Используемое имя деятеля не является окказиональным образованием, оно зафиксировано в словаре: **Bullenbeißer** — Stammform der doggenartigen Hunde⁶, т. е. с семантическим компонентом «способность особо двигаться», а через сравнение и метафоризацию по этому признаку дается особая характеристика изображаемому лицу именем в описываемой ситуации.

В именах деятеля прагмакоммуникативный аспект их употребления усиливается в определенном направлении и тогда, когда они включаются в различные стилистические приемы формирования текста. Наблюдается, например, включение имени деятеля в антитезу: **Ich hatte mir die muskulösen Gesten eines Athleten zugelegt und teilte die Welt ein in Schwimmer und Nichtschwimmer...** (J. R. Becher). Здесь отражен простейший способ создания антитезы по принципу формально (внешне) обозначенного противопоставления плюс-минус. Но интереснее те случаи, когда антитеза воплощается не внешне, а противопоставленностью значений имен деятеля, например: **Des Menschen lebenslange Trauer ist seine Vergänglichkeit. Die brennende Wunde zu kühlen, müht er sich, daß er in seinen Werken sich selbst überdaure, als Schöpfer oder Zerstörer. Oder er sorgt beizeiten, bei Lebzeiten also, für ein Denkmal** (H. Gerlach). Словесной парой **Schöpfer-Zerstörer** через контекст прочерчивается философски емкий образ человека в его противоречивой деятельности — как создателя (творца) и как разрушителя. Антитезы и представляют собой «стилистические фигуры, усиливающие выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий»⁷.

Особый заряд эмоциональной оценки несет в себе тавтология, при которой и производное имя, и производящий глагол дублируют в совместном употреблении (как субъект и предикат) одно и то же лексемное значение, например: «**Das werden wir mal schon sehen! Halt nur immer die Augen offen, Budi! So ein Verräter verrät sich gleich durch sein schlechtes Gewissen, der kann keinen grade ansehen**» (H. Fallada).

Прагмакоммуникативный аспект текстообразующей роли имен деятеля многомерен: в нем переплетаются узкостилистические функции этих единиц лексики с функциями более широкого диапазона, такими, как

влияние на композиционный план микротекстов, подключение к стилистическим приемам с архитектурным статусом в тексте, прямое вхождение в «программы» создания полипризнаковых характеристик и экспрессивно насыщенных авторских оценок и т. д. И в любом из этих случаев цель стилистического использования имен состоит в том, чтобы обеспечить максимально «действенное» донесение текстового содержания до адресата в полном соответствии с интенцией его отправителя (автора).

¹ Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.— М., 1984.— С. 137.

² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования.— М., 1981.— С. 23.

³ Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache.— М., 1963.— S. 26.

⁴ Wahrig G. Deutsches Wörterbuch.— 1980.— S. 3230.

⁵ Общее языкознание.— М., 1970.— С. 246.

⁶ Wahrig G. Deutsches Wörterbuch.— S. 791.

⁷ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.— Л., 1981.— С. 43.

Л. П. КОБЗЕВА

ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ТОПОНИМОВ НА *-щина*

Топонимический суффикс *-щина* в разные исторические периоды проявлял продуктивность в микротопонимии, ойконимии и макротопонимии. В современных украинском и белорусском языках суффикс сохраняет продуктивность при образовании названий районов, областей, краев.

Детальная характеристика топонимов на *-щина* дана в работах Г. Сафаревичевой, Е. М. Адамовича, Л. Т. Масенко, Т. И. Поляруш¹. Исследователи отмечают, что при помощи суффикса *-щина* и его производных топонимы образовывались в основном от фамилий и прозвищ людей. Суффикс *-щина* имел значение принадлежности. Он указывал на владельца населенного пункта. Постепенно функция суффикса *-щина* изменялась. Значение принадлежности он утратил. Топонимы с суффиксом *-щина* составляют замкнутую группу. Суффикс *-щина* практически не используется при наименовании новых сел, деревень, поселков. С помощью суффикса *-щина* образуются сингулятивы — существительные женского рода. Базой для топонимов на *-щина* послужили собственные имена мужского рода.

От топонимов на *-щина* */овищина, -евищина/* образуются катойконимы. Образование катойконимов часто нарушает общепринятые словообразовательные модели, точнее — в катойконимии постепенно утвердились свои словообразовательные модели. Как правило, топонимический суффикс *-щина* элизируется. Элизия суффикса *-щина* порождает омонимию: совпадают названия жителей, производные от фамильных топонимов на *-щина*. Катойконим фактически образуется от основы, послужившей базой для топонима. Препятствий для катойконимообразования не возникает, так как элизированная основа в большинстве случаев имеет в своем составе фамильные суффиксы *-ов, -ев*. Они легко соединяются с катойконимическими суффиксами. Конечный согласный элизированной основы не меняется, не чередуется с другими согласными под влиянием начального звука катойконимического суффикса. Фамильный суффикс *-ов /ев/*, объединяясь с катойконимическим суффиксом *-ец*, порождает сложный суффикс *овец /евец/*. Катойконимы могут быть образованы только от ойконимов на *-щина*. Практически бессмысленны были бы образования с катойконимическими суффиксами *-ец, -чанин* от микротопонимов на *-щина* (названий лесов, урочищ, балок и т. д.). Если же микротопонимическое название становится ойконимическим, тогда от него может быть образовано название жителя. Таким образом, не от любого топонима на *-щина* следует образовывать катойконимы. От микротопонимов известны только адъектонымы.